

ВСТРЕЧА С МЕДУЗОЙ

Фантастический рассказ

1

С приятной скоростью триста километров в час «Куин Элизабет» скользила по воздуху в пяти километрах над Гранд-Каньоном, когда Говард Фолкен заметил приближающуюся справа платформу телевидения. Этой встречи он ждал — для всех остальных полеты здесь сейчас были запрещены, — однако соседство другого летательного аппарата не очень его радовало. Как ни дорого внимание общественности, а простор для маневрирования еще дороже. Что ни говори, ему первому из людей доверено вести корабль длиной в полкилометра...

До сих пор испытательный полет проходил гладко. Нелепо, но факт: единственная загвоздка была связана с древним авианосцем, который одолжили для подсобных целей в морском музее Сан-Диего. Из четырех реакторов авианосца действовал только один, и наибольшая скорость старой посудины составляла всего тридцать узлов. К счастью, скорость ветра на уровне моря не достигала и половины этой цифры, поэтому было не так уж трудно добиться штиля на взлетной палубе. Правда, из-за порывов ветра экипаж пережил несколько тревожных секунд сразу после того, как были отданы швартовы, но огромный воздушный корабль без помех вознесся в небо, словно на невидимом лифте. Если все будет идти благополучно, «Куин Элизабет» только через неделю вернется на авианосец.

Все было в полном порядке. Приборы давали нормальные показания. Капитан Фолкен решил подняться наверх и проследить за стыковкой. Передав командование помощнику, он вышел в прозрачную трубу, которая пронизывала сердце корабля. И увидел неизменно ошеломлявшее его зрелище — самое большое пространство, какое человек когда-либо замыкал в одну оболочку.

Десять шаровидных газовых отсеков, каждый тридцати метров в поперечнике, вытянулись цепочкой исполинскими мыльными пузырями. Прочный пластик был настолько прозрачным, что Фолкен видел сквозь него механизмы, от которых его отделяло добрых полкилометра. И он отчетливо различал трехмерный лабиринт каркаса — и длинные балки, протянувшиеся от носа до кормы, и пятнадцать кольцевых

шпангоутов, эти ребра небесного гиганта; их убывающий диаметр придавал его силуэту изящество и обтекаемость.

На малой скорости звуков было немного, только тихо шелестел ветер вдоль оболочки да иногда, при перемене нагрузки, побряхтывал металл. Бестеновой свет укрепленных высоко над головой Фолкена ламп придавал окружающему сходство с подводным миром, и вид прозрачных мешков с газом только усиливал это сходство. Как-то раз, плывя над тропическим рифом, он встретил целую эскадрилью больших, но совсем безопасных, медленно пульсирующих медуз. Пластиковые пузыри, от которых зависела подъемная сила «Куин Элизабет», напоминали ему этих медуз, особенно когда изменялось давление и они чуть колыхались, переливаясь бликами отраженного света.

Вдоль оси корабля Фолкен подошел к лифту в носовой части, между первым и вторым газовыми отсеками. Поднимаясь на обсервационную палубу, заметил, что слишком уж жарко, и сказал об этом в карманный диктофон, чтобы потом принять меры. Около четверти подъемной силы «Куин Элизабет» обеспечивалось неограниченным количеством отбросного тепла, производимого ее реакторами. Загрузка в этом полете была небольшая, поэтому только шесть из десяти газовых отсеков содержали гелий, в остальных был воздух. А ведь они взяли двести тонн воды для балласта. Правда, высокие температуры создавали дополнительные трудности с охлаждением труб. Тут явно есть еще над чем поразмыслить...

На обсервационной палубе его лицо овеял более прохладный воздух, а в глаза ударил ослепительный солнечный свет, проникающий через плексигласовую крышу. Пять или шесть рабочих, которым помогало столько же супершимпанзе, торопливо заканчивали настилать танцевальную площадку, другие тянули электрические провода, расставляли кресла. Глядя на этот упорядоченный хаос, Фолкен сказал себе, что вряд ли все приготовления будут закончены к первому официальному полету, ведь до него осталось всего четыре недели. Впрочем, это не его забота, слава богу. Капитан не отвечает за программу увеселений.

Рабочие приветствовали его жестами, «шимпы» скалили зубы в улыбке. Быстрыми шагами он проследовал мимо них в небесный бар, его любимый уголок на корабле. Когда начнется эксплуатация, здесь уже не уединишься... А пока можно позволить себе отвлечься на пяток минут.

Вызвав мостик, Фолкен убедился, что все по-прежнему в порядке, после чего удобно расположился во вращающемся кресле. Далеко внизу, лаская глаз, серебрились плавные обводы оболочки. Вдоволь насладившись зрелищем самого большого транспортного средства, какое когда-либо соорудилось руками людей, он перевел взгляд вдаль — там до самого горизонта тянулась огромная фантастическая борозда, прорезанная рекой Колорадо за полмиллиарда лет.

Если не считать платформу телевидения — она сейчас опустилась пониже, чтобы снять среднюю часть корабля, — «Куин Элизабет» была одна в небе, вплоть до горизонта —

голубая пустота. Фолкен подумал, что во времена его деда эта голубизна была бы расписана лентами пара и пятнами дыма. Теперь же не было ни того, ни другого. Загрязнение воздуха прекратилось, как только пришел конец примитивной технологии производства. Нынешние пути дальнего сообщения проходят далеко за пределами стратосферы, с земли воздушный транспорт не видно и не слышно. Атмосфера опять всецело принадлежит птицам и облакам. Впрочем, к ним прибавилась и «Куин Элизабет»...

Верно говорили пионеры воздухоплавания в начале двадцатого века, только так и надо путешествовать — в тишине, со всеми удобствами, дыша окружающим воздухом, а не замыкаясь от него в скорлупу, и достаточно близко к земле, чтобы любоваться чередующимися красотами суши и моря. Разве можно было говорить об удобствах, о просторе на реактивных самолетах 1980-х годов, где сотни пассажиров сидели по десять в ряд!

Конечно, «Куин» никогда не будет себя окупать. И даже если осуществится постройка других кораблей того же типа, лишь малая часть населения Земли сможет насладиться этим беззвучным парением в воздухе. Но новизна такого развлечения чего-нибудь стоит. На свете найдется немало людей с достаточно высоким доходом, так что «Куин Элизабет IV» не останется без пассажиров.

Тихо пискнул карманный коммуникатор. Второй пилот вызывал Фолкена с мостика.

— Капитан, разрешите стыковку? Все данные по испытанию получены, а телевизионщики заседают.

Фолкен посмотрел на платформу, которая парила на одном с ним уровне примерно в полтора метра.

— Давайте, — сказал он. — Действуйте, как было условлено. Я буду следить отсюда.

Он снова пересек хаос обсервационной палубы, чтобы лучше видеть среднюю часть корабля. На ходу он ощутил ступнями перемену вибрации. К тому времени, как Фолкен достиг дальнего конца вестибюля, корабль совсем остановился. Пользуясь своим универсальным ключом, капитан открыл дверь и вышел на маленькую смотровую площадку, рассчитанную на пять-шесть человек. Лишь низкие перила отделяли здесь человека от широкой дуги оболочки и от земли далеко внизу. Волнующее место. И вполне безопасное даже на полном ходу, потому что площадку надежно заслонял огромный пузырь обсервационной палубы. Тем не менее пассажиров сюда выпускать не стоит, очень уж дух захватывает.

Люк в носовой части уже открылся, будто двери огромной ловушки, и платформа парила над ним, готовясь спуститься. В будущем этим путем на корабль будут подаваться тысячи пассажиров и тонны груза. Лишь изредка «Куин» будет опускаться до уровня моря и садиться на палубу своей плавучей базы.

Внезапный порыв ветра хлестнул Фолкена по лицу, и он взялся крепче за перила. Над Гранд-Каньоном хватало коварных воздушных ям, но на этой высоте он их не очень

опасался. И Фолкен без особой тревоги следил за снижающейся платформой, которую теперь отделяло от корабля около полусотни метров. Искусный оператор, управляющий на расстоянии платформой телевидения, уже раз десять выполнял этот нехитрый маневр. Какие тут могут быть заминки!

Но что-то у него сегодня реакция замедленная... Все тот же порыв ветра отбросил платформу чуть ли не к самому краю люка. Мог бы раньше притормозить... Отказы в системе управления? Вряд ли. Каждое звено в ней многократно дублировано, страховка полная. Несчастных случаев почти не бывает.

Опять влево понесло... Уж не пьян ли пилот? Немыслимо, конечно, и все же Фолкен задал себе такой вопрос. И потянулся к своему микрофону.

Снова ветер вдруг хлестнул его по лицу. Но Фолкен тут же забыл об этом, он с ужасом смотрел на платформу телевидения. Оператор изо всех сил старался сохранить управление, он манипулировал реактивными струями, пытаясь выровнять платформу, но только усугубил положение. Платформа кренилась все сильнее. Двадцать градусов... сорок... шестьдесят... девяносто...

— Включи автоматику, болван! — прокричал Фолкен в микрофон. — Ручное управление не действует!

Поздно. Платформа опрокинулась вверх дном. И теперь реактивные струи, вместо того чтобы поддерживать, толкали ее вниз, словно вдруг заключили союз с силами тяготения, которым до сих пор противоборствовали.

Фолкен не слышал удара, только ощутил. Он был уже на обсервационной палубе, спеша добраться до лифта и спуститься на мостик. Рабочие тревожно кричали ему вслед, пытались выяснить, что происходит. Но пройдет не один месяц, прежде чем он будет в состоянии ответить на этот вопрос.

Перед самым лифтом он вдруг передумал. А если будет перебой с электроэнергией? Нет, лучше не рисковать, пусть даже он потеряет несколько важных минут. И Фолкен побежал вниз по спиральной лестнице, обвивающей лифтовую шахту.

На полпути Фолкен остановился, чтобы определить степень повреждения. Проклятая платформа прошла насквозь через корабль, пропоров два газовых отсека, которые теперь медленно опадали. Уменьшение подъемной силы не пугало Фолкена — восемь отсеков целы, значит, достаточно сбросить балласт. Гораздо хуже, если пострадал каркас. Он слышал, как металл протестующе стонет от чрезмерной нагрузки. Подъемная сила еще не все. Если она неравномерно распределена, корабль сломает себе хребет...

Фолкен шагнул на следующую ступеньку, в это время сверху показался кричащий от страха шимпанзе. С невыносимой скоростью он лез вниз по решетке лифтовой шахты. От волнения бедняга сорвал с себя фирменный комбинезон — может быть, в этом подсознательно выразилось стремление обрести былую свободу своего рода.

Продолжая бежать по ступенькам Фолкен с беспокойством следил, как животное настигает его. Обезумевший «шимп» достаточно силен и опасен, особенно если страх возьмет верх над внушенными навыками. Догнав Фолкена, обезьяна что-то затараторила, мешая заученные слова. Он только разобрал то и дело повторяемое жалобное «шеф». Смистри ты, даже теперь ждет указания от человека... Он невольно проникся состраданием к зверю, попавшему по вине людей в непостижимую для него катастрофу.

Шимпанзе остановился наравне с Фолкеном, отделенный от него только решеткой. Широкие отверстия позволяли ему легко преодолеть это препятствие, было бы желание. Несколько сантиметров разделяли два лица, и Фолкен смотрел прямо в исполненные ужаса глаза. Никогда еще он не видел «шимпа» так близко. И, разглядывая в упор его черты, поймал себя на чувстве, которое испытывает всякий, кто таким вот образом смотрится в зеркало времени, — чувстве, сочетающем узнавание и неприязнь.

Похоже было, что в его присутствии зверь чувствует себя спокойнее. Фолкен показал вверх, в сторону обсервационной палубы, и четко скомандовал:

— Шеф... шеф... иди!

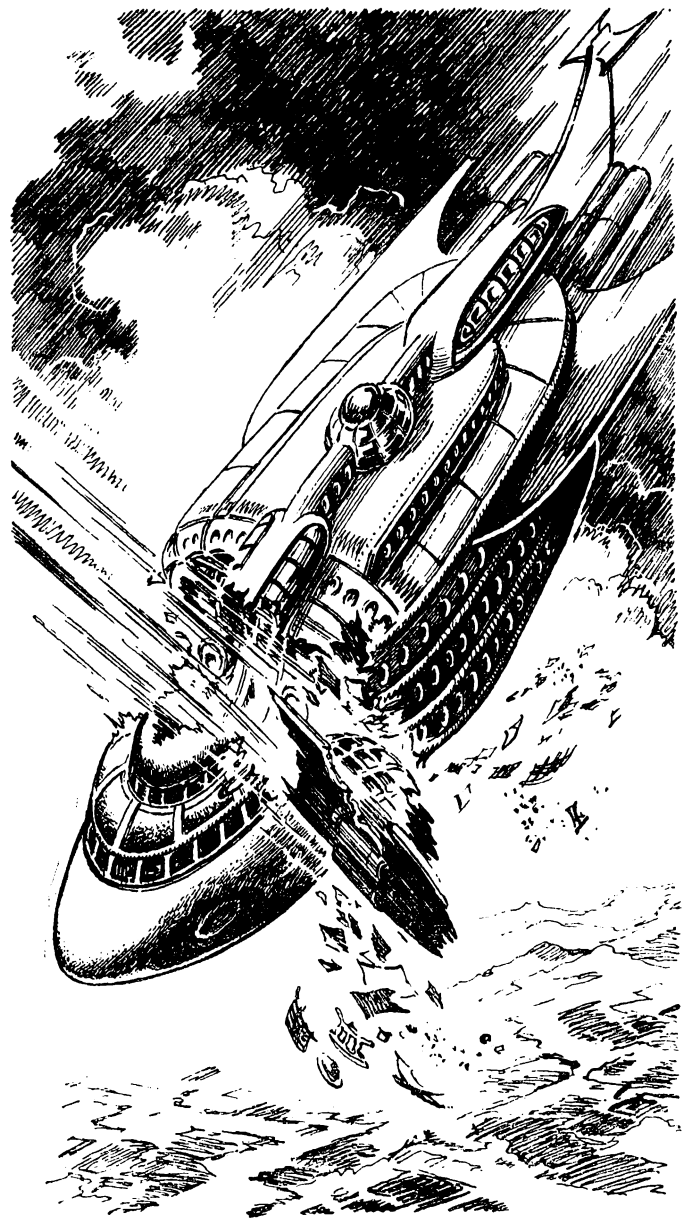
Шимпанзе понял его, изобразил нечто вроде улыбки и ринулся вверх тем же путем, каким спускался. Фолкен от души пожелал ему удачи. Если сейчас на «Куин» есть относительно безопасное место, так это наверху.

Фолкен спустился почти до капитанского мостика, когда заскрежетал ломаемый металл и корабль резко клюнул носом. Лампы погасли, но Фолкен по-прежнему мог различать окружающее благодаря свету, который врывается в открытые люки и огромную прореху в оболочке. Много лет назад он стоял в нефе большого собора и смотрел, как свет, просачиваясь через цветные стекла, ложится пестрыми бликами на старые каменные плиты. Ослепительный луч солнца, проникший внутрь поврежденного отсека, напомнил ему о тех минутах. Как будто Фолкен стоял в металлическом соборе, падающем с неба на землю.

Выскочив на мостик, Фолкен с ужасом отметил, что до земли совсем уже близко. Какая-нибудь тысяча метров отделяла корабль от красивых — и смертоносных! — каменных шпилей и красных илистых потоков, которые упорно продолжали вгрызаться в прошлое. И хоть бы один ровный клочок, где корабль такой величины, как «Куин», мог бы плавно приземлиться.

Он взглянул на приборную доску. Так, балласт сброшен. И скорость падения снизилась до нескольких метров в секунду. Что ж, еще есть надежда...

Фолкен молча занял место пилота и взял управление на себя — насколько корабль вообще поддавался еще управлению. Говорить было не о чем, приборы сказали ему все, что нужно. Где-то за его спиной начальник связи вел радиорепортаж. Конечно, все информационные агентства сейчас подключились... Фолкен представлял себе, как беснуются

Рисунки Ю. МАКАРОВА

режиссеры телевизионных станций. В разгаре одно из самых эффектных кораблекрушений за всю историю человечества — и ни одной камеры на месте, чтобы зафиксировать это событие! Последние секунды «Куин» не будут вызывать содрогание и ужас у миллионов зрителей, как это было с «Гинденбургом» полтора столетия тому назад.

До земли оставалось около пятисот метров, и она продолжала медленно приближаться. В распоряжении Фолкена была мощь всех двигателей, но он пока не решался пускать их, боясь, как бы не рассыпался поврежденный каркас. Однако выбора не было. Ветер нес «Куин» к развилке: река в этом месте рассекалась надвое высокой скалой, похожей на форштень некоего древнего окаменевшего корабля. Если курс останется прежним, «Куин» ляжет прямо на этот треугольник, и добрая часть корпуса повиснет над пустотой. И переломится, как трухлявая палка.

Сквозь скрежет металла и шипение уходящего газа до слуха Фолкена донесся знакомый тихий свист маршевых двигателей. Работают! Корабль всколыхнулся и начал крениться влево. Металл скрежетал почти непрерывно, и скорость падения достигла зловещей цифры. Приборы сообщали, что сию минуту лопнул газовый отсек номер пять...

До земли остались считанные метры, а Фолкен все еще не мог определить, дал ли что-нибудь его маневр. Он переключил двигатели на вертикальный ход, чтобы по возможности увеличить подъемную силу и ослабить удар.

Казалось, столкновение с землей растянулось на целую вечность. Сам удар был не таким уж сильным, но достаточно разрушительным. Будто медленно рушилась вся вселенная.

Звук ломаемого металла приближался, словно некий могучий зверь прогрызал себе путь сквозь корпус погибающего корабля.

А потом пол и потолок зажали Фолкена как в тисках.

2

— Почему тебе так хочется лететь на Юпитер?

— Как сказал Шпрингер, когда отправился на Плутон: потому что он существует.

— Ясно. А теперь скажи настоящую причину.

Говард Фолкен улыбнулся — впрочем, только хорошо и давно знавший его назвал бы улыбкой эту слабую, напряженную гримасу. Вебстер хорошо знал Фолкена. Больше двадцати лет делили они успех и катастрофы, в том числе самые страшные.

— А что, хотя слова Шпрингера — литературный штамп, все так и есть. Мы достигли всех планет, которые сходны с Землей, но на газовых гигантах еще не побывали. Можно сказать, что они единственная не взятая нами вершина в солнечной системе.

— И шторм ее обойдется дорого. Ты не прикидывал расходы?

— Постарался, вот мои выкладки. Но ты учти, это ведь не одноразовое предприятие. Мы создаем транспортное средство, и если оно себя оправдает, его можно использовать многократно. К тому же мы проникнем не только на Юпитер — все великаны станут доступными.

Вебстер посмотрел на цифры и присвистнул.

— А почему бы не начать с какой-нибудь планеты полегче, скажем, с Урана? Сила тяготения там вдвое меньше — значит, и взлетная скорость. И погода там поспокойнее, если можно применить это слово.

Вебстер явно был хорошо подготовлен к разговору. Что ж, на то он и руководитель планирования...

— Не так уж много на этом выиграешь, если учесть, что и путь побольше, и маневрировать сложнее. На Юпитере нам Ганимед поможет. А у Сатурна пришлось бы подвешивать новую базу.

«Логично, — сказал себе Вебстер. — И все-таки не это основная причина... Юпитер — властелин солнечной системы. И Фолкену, конечно же, подавай главную вершину».

— Кроме того, — продолжал Фолкен, — Юпитер и для науки орешек покрепче. Больше ста лет прошло, как были открыты его радиостормы, а мы все еще не знаем, что их вызывает. И «Большое красное пятно» по-прежнему остается загадкой. Поэтому я рассчитываю на средства от Комитета аэронавтики. Знаешь, сколько зондов послано в атмосферу Юпитера?

— Сотни две, должно быть.

— Триста двадцать шесть за последние полсотни лет. И каждый четвертый — впустую. Конечно, собрана куча данных, но что это для такой планеты... Ты представляешь себе, насколько она велика?

— В десять с лишним раз больше Земли.

— Так-то так, но что это означает? — Фолкен повернулся к большому глобусу, который стоял в углу кабинета Вебстера. — Погляди на Индию — много места она занимает? Ну вот, если поверхность земного шара распластать на поверхности Юпитера, она там займет столько же, сколько Индия у нас.

Они помолчали. Вебстер размышлял над этим сравнением: Юпитер относится к Земле, как Земля к Индии. Удачный пример, и, конечно, Фолкен не случайно его выбрал.

Неужели десять лет прошло? Да, не меньше... Авария произошла семь лет назад (эта дата на всю жизнь врезалась в его память), а предварительные тесты начались за три года до первого и последнего полета «Куин Элизабет».

Десять лет назад капитан (нет, тогда лейтенант) Фолкен пригласил его полетать дня три над равнинами Северной Индии с вершинами Гималаев на горизонте.

— Совершенно безопасно, — заверил он. — Отдохнешь три дня от бумаг и представишь себе, о чем идет речь.

Вебстер не был разочарован. Если не считать его первого посещения Луны, этот полет был самым памятным событием его жизни. Хотя, как и говорил ему Фолкен, никаких опасностей и никаких особых приключений не было.

Они взлетели в Сринагаре как раз на рассвете. Огромный серебристый шар уже отражал первые лучи солнца. Взлет происходил в полной тишине — никакого рева газовых горелок, которые обеспечивали подъемную силу старинным «монгольфьерам». Все необходимое тепло давал небольшой, весом около ста килограммов, импульсный реактор, подвешенный в устье шара. В горизонтальном полете достаточно было нескольких импульсов в минуту, чтобы компенсировать расход тепла в оболочке.

Даже в полутора километрах над землей они слышали лай собак, людскую речь. Все шире простирался над ними залитый солнцем ландшафт. Через два часа шар уравновесился на высоте пяти тысяч метров; здесь им то и дело приходилось дышать через кислородную маску. И можно было без забот любоваться пейзажами, приборы выполняли за них всю работу. В частности, собирали данные для тех, кто проектировал тогда еще безымянный линейный корабль для воздушного океана.

День выдался превосходный. До начала юго-западного муссона оставался целый месяц, и в небе не было ни облачка. Время будто остановилось, и только радио нехотая каждый час нарушало их грезы. Кругом во все стороны, до горизонта и дальше простирался древний, дышащий историей ландшафт — лоскутное одеяло из городов, полей, храмов, озер, оросительных каналов...

Усилием воли Вебстер освободился от чар воспоминаний десятилетней давности. Полет на воздушном шаре сделал его сторонником аппаратов легче воздуха. И помог ему осознать, как огромна Индия даже в мире, который можно облететь за девяносто минут. А ведь Юпитер, повторил он про себя, относится к Земле, как Земля относится к Индии...

— Допустим, мы согласимся с твоими доводами, — сказал он вслух, — и допустим, найдутся средства на этот проект. Остается еще один вопрос: почему ты уверен, что справишься с задачей лучше, чем те — сколько их было? — да, триста двадцать шесть автоматических зондов, которые уже были запущены?

— Я превосхожу автоматы и как наблюдатель, и как пилот. Особенно как пилот. Не забудь, у меня больше опыта работы с аппаратами легче воздуха, чем у кого-либо еще на свете.

— Ты вполне можешь сидеть в полной безопасности в центре управления на Ганиমেде.

— Но ведь в том-то и дело, что это уже было! Ты забыл, что погубило «Куин»?

Вебстер знал причину, однако ответил:

— Продолжай!

— Запоздание — запоздание! Оператор, этот болван, думал, что работает через местный передатчик, а на самом деле его подключили к спутнику. Не его вина, конечно, но заметить-то должен был. И пока сигнал проходил в оба конца, получалось опоздание на полсекунды. Пустяк, казалось бы, и не было бы никакой беды, если бы мы шли в спокойном воздухе. Но турбулентность над Гранд-Каньо-

ном все испортила. Платформа накренилась — оператор давай ее выравнивать. А она за это время уже успела наклониться в другую сторону. Ты пробовал когда-нибудь вести по неровной дороге машину, которая слушается руля с опозданием на полсекунды?

— Не пробовал и не собираюсь. Но могу себе представить, что это такое.

— Так вот, от Ганимеда до Юпитера миллион километров. И получается суммарное запаздывание сигнала — шесть секунд. Так что оператор должен находиться на месте, чтобы вовремя принимать меры, если что случится. Вот я тебе сейчас покажу одну штуку... Можно это взять?

— Конечно, бери.

Фолкен взял с письменного стола открытку. На Земле почти перестали пользоваться открытками, но эта изображала объемный марсианский ландшафт и была обклеена редкими дорогими марками. Фолкен держал ее вертикально.

— Старый трюк, но он поможет мне объяснить, что я подразумеваю. Пропусти открытку между большим и указательным пальцами, но не касайся ее... Вот так.

Вебстер протянул руку и поднес пальцы вплотную к открытке.

— Теперь лови!

Фолкен подождал несколько секунд, потом вдруг выпустил открытку. Пальцы Вебстера схватили пустоту.

— Давай еще раз, чтобы ты убедился, что тут нет никакого жульничества. Видишь?

Открытка снова проскользнула между пальцами Вебстера.

— А теперь испытай меня!

Взяв открытку, Вебстер тоже внезапно выпустил ее. И почти тотчас она оказалась зажатой между пальцами Фолкена. Реакция была настолько быстрой, что Вебстеру даже почудилось, будто он услышал щелчок реле.

— Когда хирурги собирали меня по частям, — заметил Фолкен бесстрастно, — они внесли кое-какие усовершенствования. И это только одно из них. Мне хочется извлечь из них максимум пользы. И Юпитер для этого очень подходит.

Несколько секунд Вебстер глядел на открытку, впитывая глазами неправдоподобные краски на склонах Харона. Потом произнес:

— Понятно. И сколько времени уйдет на подготовку?

— С твоей помощью да при поддержке комитета и разных научных организаций, которые нам удастся привлечь, года три. Да еще год на испытания, ведь придется запустить по меньшей мере два пробных аппарата. В общем, если все пройдет гладко, — пять лет.

— Примерно так я и думал. Что ж, желаю тебе успеха. Ты его заслужил. Но в одном деле я тебе не союзник.

— Это в каком же?

— Когда в следующий раз отправишься на воздушном шаре, не рассчитывай, что я пойду с тобой пассажиром.

На путь от Юпитера-V до самого Юпитера — около ста тысяч километров — уходит всего три с половиной часа. Мало кто мог бы уснуть на таком отрезке. Говард Фолкен вообще считал потребность в сне слабостью, а когда его мозг все же нуждался в отдыхе, его преследовали сны, с которыми время до сих пор не совладало. Но в ближайшие три дня не приходилось рассчитывать на отдых — значит, надо отдыхать сейчас, пока длится падение в океан облаков.

Как только «Кон-Тики» лег на нужный курс и бортовая ЭВМ сообщила, что все в порядке, Фолкен приготовился ко сну, который для него мог оказаться последним. Будто по заказу, в эту самую минуту Юпитер заслонил непривычно маленькое солнце — «Кон-Тики» вошел в огромную тень от планеты. Некоторое время корабль плыл в каких-то необычных золотистых сумерках, потом четверть неба превратилась в сплошную черную дыру, окаймленную мириадами звезд. Сколько ни углубляйся в дали солнечной системы, звезды не меняются. Те же созвездия были сейчас видны на Земле, за миллионы километров от Юпитера. Нового здесь только маленькие тусклые серпы Каллисто и Ганимеда. В разных точках неба находилось еще с десятков лун, но они были слишком малы и слишком далеко от него, чтобы различить их невооруженным глазом.

— Я сосну часика два, — передал Фолкен на базу, которая висела в полутора тысячах километров над пустынными скалами Юпитера-V, заслоненная им от планетной радиации.

От этой крохотной луны была хоть та польза, что она играла роль космического щита, перехватывая заряженные частицы, из-за которых человеку было вредно надолго задерживаться вблизи Юпитера. За ее спиной можно было спокойно останавливать корабль, не опасаясь пронизывающей космос смертоносной радиации.

Фолкен включил индуктор сна, и ласковые электрические импульсы быстро убаюкали его. Пока «Кон-Тики» падал на Юпитер, с каждой секундой ускоряя ход в могучем поле тяготения, он спал без снов. Сны придут перед самым пробуждением — придут земные кошмары...

Впрочем, само крушение не снилось ему ни разу, зато он часто оказывался лицом к лицу с супершимпанзе на спиральной лестнице между опадающими газовыми секциями. Ни один из шимпанзе не выжил. Те, которые не погибли сразу, получили настолько серьезные повреждения, что их подвергли безболезненной эвтаназии. Не раз Фолкен спрашивал себя, почему ему снится лишь это обреченное существо — ведь он впервые встретился с ним за несколько минут до его гибели, — а не друзья и коллеги по работе на «Куине».

Но больше всего боялся он снов, в которых действие начиналось с того момента, когда к нему вернулось сознание. И боялся не из-за физической боли — поначалу он

вообще ничего не чувствовал. Только мрак да тишина кругом, ему даже казалось, что он не дышит. И самое странное — он потерял свои руки и ноги. Не мог пошевелить пальцами, потому что не знал, куда они подевались.

Сперва отступила тишина. Через несколько часов или дней он уловил какой-то пульсирующий звук. И после долгого раздумья заключил, что это бьется его собственное сердце. Первая в ряду многих ошибок, которые последовали затем...

Дальше слабые уколы, вспышки света, неясные ощущения в конечностях, по-прежнему бездействующих. Один за другим оживали органы чувств. И с ними ожила боль. Ему пришлось учить все сначала, пришлось повторить детство. Память не пострадала, и Фолкен понимал все, что ему говорили, но несколько месяцев он мог только мигать в ответ. Он помнил счастливые минуты, когда сумел вымолвить свое первое слово, перевернуть страницу книги и когда наконец сам пошел. Немалое достижение, и готовился он к этому два года... Сотни раз Фолкен завидовал погибшему супершimpanзе, но ведь у него не было выбора, врачи решились все за него. И вот теперь, двенадцать лет спустя, он находится там, где до него не бывал ни один человек.

«Кон-Тики» приближался к краю тени, и юпитерианский рассвет вылепил исполинскую световую дугу в небе перед ним, когда тревожный голос зуммера вырвал Фолкена из объятий сна. Непременные кошмары (он как раз хотел вызвать медицинскую сестру, но не хватило сил даже нажать на кнопку) быстро уступили место другим впечатлениям. Начиналось величайшее — и возможно, последнее — приключение в его жизни.

Фолкен вызвал Центр управления — он должен был вот-вот скрыться за Юпитером — и доложил, что все идет нормально. Почти сто тысяч километров отделяло его от базы, и скорость «Кон-Тики» уже перевалила за пятьдесят километров в секунду — изрядная величина! Через полчаса он войдет в верхние, затем в плотные слои атмосферы, и во всей солнечной системе нет более трудного места для такого маневра... Правда, десятки зондов благополучно прошли через это огненное чистилище, но ведь речь шла о батареях компактно сконструированных приборов, способных выдержать не одну сотню G. Максимальная нагрузка на «Кон-Тики» — пока он не уравновесится в верхнем слое атмосферы Юпитера — составит тридцать G, средняя — больше десяти. Основательно, не торопясь. Фолкен пристегивал сложную систему амортизирующей подвески, соединенную со стенами кабины. Закончив эту процедуру, он сам стал как бы частью остова.

Часы вели обратный отсчет: осталось сто секунд. Теперь возврата нет, будь что будет... Через полторы минуты он войдет в атмосферу Юпитера и окажется всецело во власти исполина.

Ошибка в отсчете составила всего три секунды — не так уж плохо, если подумать, сколько тут неизвестных фак-

торов. Через стены капсулы доносились жуткие вздохи, они переросли в высокий, пронзительный вой. Совсем другой звук, чем при посадке на Землю или на Марс. Разреженная атмосфера, состоящая из водорода и гелия, транспонировала все звуки на несколько октав выше. На Юпитере даже в раскатах грома будут звучать фальцетные обертоны.

Вместе с нарастающим воем нарастала и перегрузка. Через несколько секунд Фолкена словно сковал паралич. Поле зрения уменьшилось до такой степени, что он видел только часы и акселерометр. Пятнадцать G, и осталось терпеть четыреста восемьдесят секунд...

Он не потерял сознания. Да иначе и быть не могло. Фолкен представил себе, какой великолепный хвост тянется за «Кон-Тики» в юпитерианской атмосфере на несколько тысяч километров. Через пятьсот секунд после вхождения в атмосферу перегрузка пошла на убыль. Десять G, пять, два... Потом тяжесть почти совсем исчезла, огромная орбитальная скорость была погашена, началось свободное падение.

Внезапный толчок дал знать Фолкелю, что сброшена раскаленная тепловая защита — то, что от нее осталось. Она выполнила свою функцию и больше не понадобится, пусть достается Юпитеру. Отстегнув все пряжки, кроме двух, он стал ждать, когда программный механизм начнет выполнять следующую, самую ответственную серию операций.

Фолкен не видел, как раскрылся первый тормозной парашют, но ощутил легкий рывок, и скорость падения сразу уменьшилась. Горизонтальная составляющая скорости «Кон-Тики» была полностью погашена, теперь аппарат двигался прямо вниз со скоростью полутора тысяч километров в час. Последующие шестьдесят секунд все решат...

Пошел второй поплавок. Фолкен посмотрел в верхний иллюминатор и с облегчением увидел, как над падающим аппаратом колышется облако сверкающей пленки. Огромным цветком в небе раскрылась оболочка воздушного шара и стала надуваться, зачерпывая разреженный газ. Полный объем составлял несколько тысяч кубических метров, и скорость падения «Кон-Тики» быстро упала до нескольких километров в час. На этом рубеже она стабилизировалась. Теперь у Фолкена было вдоволь времени — аппарат будет падать не один день, прежде чем достигнет поверхности планеты.

Но он ее все-таки достигнет, если не принимать никаких мер. Сейчас шар играл всего-навсего роль мощного парашюта, он не обладал подъемной силой. Да и откуда ей взяться, ведь внутри тот же газ, что и снаружи.

С характерным и слегка нервующим потрескиванием заработал реактор, посылая струи тепла в оболочку. Через пять минут скорость падения снизилась до нуля. Еще через минуту аппарат начал подниматься. Согласно радиовысотмеру он уравнился на высоте около четырехсот двадцати семи тысяч метров над поверхностью Юпитера — или над тем, что заменяло поверхность.

Только один шар может плавать в атмосфере самого легкого газа — водорода: шар, наполненный подогретым во-

дорогом. Пока работал реактор, Фолкен мог спокойно парить над миром, где разместилась бы сотня Тихих океанов. Покрыв больше пятисот миллионов километров, «Кон-Тики» наконец-то начал оправдывать свое название. Воздушный плот плыл по течению в океане юпитерианской атмосферы...

Хотя кругом простирался новый мир, прошло больше часа, прежде чем Фолкен смог сосредоточить внимание на панораме. Сперва надо было проверить все системы капсулы, опробовать все рукоятки управления. Определить, насколько нужно увеличить расход тепла, чтобы подниматься с той или иной скоростью, сколько газа нужно выпустить, чтобы опускаться. Но прежде всего добиться стабильности. Отрегулировать длину тросов, соединяющих капсулу с огромной грушей оболочкой, и погасить вибрацию, чтобы полет был возможно более плавным. До сих пор ему сопутствовало счастье. Ветер на этой высоте был устойчивым, и доплеровская локация показывала, что относительно невидимой поверхности он летит со скоростью трехсот сорока восьми километров в час. Для Юпитера очень скромная цифра, здесь отмечены скорости ветра до полутора тысяч километров в час. Но, конечно, дело не в одной скорости. Главная опасность — турбулентные потоки. Если попадутся воздушные ямы, его выручит только умелое маневрирование, опыт, быстрота реакций — все то, чего не заложить в программу автомата.

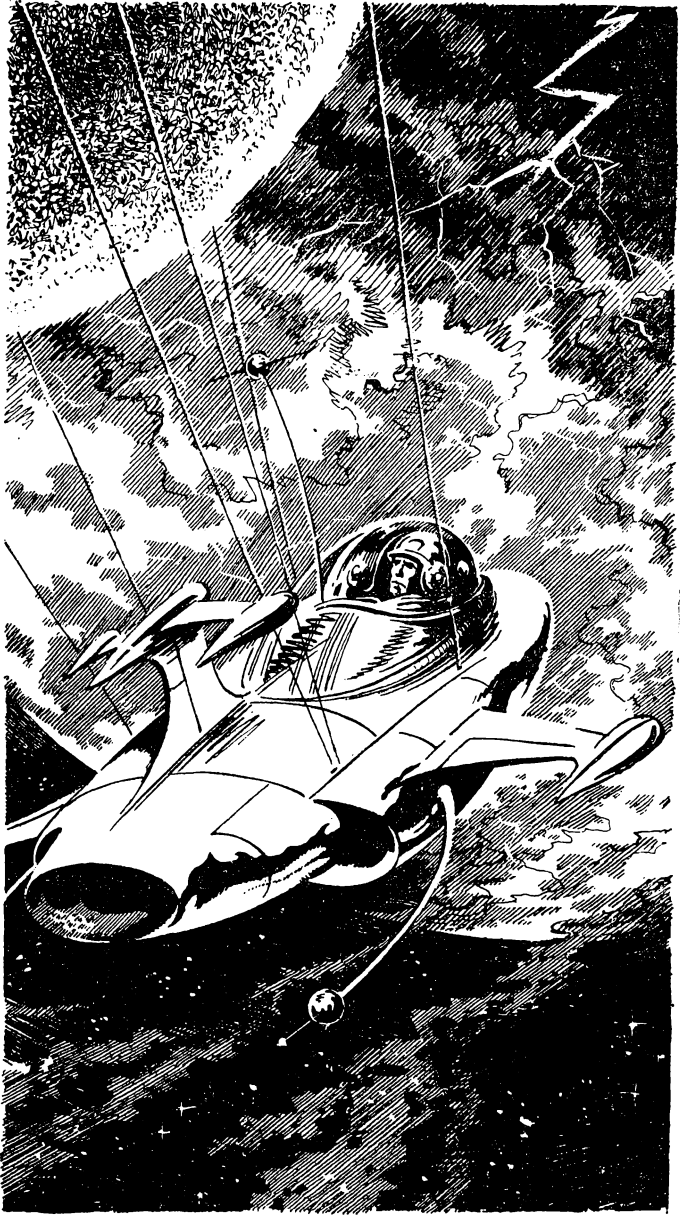
Лишь основательно освоившись с необычным аппаратом, Фолкен решил откликнуться на настойчивые вызовы Центра управления, после чего выпустил штанги с измерительными приборами и устройствами для анализа атмосферы. И хотя капсула теперь напоминала небрежно украшенную рождественскую елку, она все так же легко реяла над Юпитером, посылая непрерывный поток информации на магнитофоны далекой базы. Наконец-то Фолкен получил возможность осмотреться.

Первые впечатления были неожиданными и в какой-то мере разочаровывающими. Если говорить о масштабах, то с таким же успехом он мог лететь над земными облаками. Горизонт там, где ему и положено быть, никакого ощущения, что летишь над планетой, поперечник которой в одиннадцать раз превосходит диаметр Земли. Но стоило Фолкену бросить взгляд на инфракрасный локатор, прощупывающий слои воздуха внизу, и он понял, как сильно обмануло его зрение.

Облачный слой на самом деле был не в пяти, а в шести-десяти километрах под ним. А до горизонта не двести километров, как ему казалось, а почти три тысячи.

Кристалльная прозрачность гелие-водородной атмосферы и колоссальные дуги Юпитера совершенно сбили его с толку. Определить на глаз расстояние здесь было еще труднее, чем на Луне. Каждый видимый отрезок надо умножать по меньшей мере в десять раз.

Элементарный случай, и ничего неожиданного. И тем не менее Фолкену почему-то было не по себе. Такое чувство,

словно не в Юпитере дело, а сам он уменьшился в десять раз... Возможно, со временем он привыкнет к чудовищным масштабам этого мира, а сейчас как поглядишь на невообразимо далекий горизонт, так и чудится, что душу сковывает холодный — холоднее окружающей атмосферы — ветер. Да, что ни говори, непохоже, чтобы эта планета когда-либо могла стать обителью человека. Очень может быть, что Фолкен суждено остаться первым и последним человеком, проникшим под облака Юпитера.

Небо было почти черным, если не считать нескольких размытых аммиачных облаков километрах в двадцати над аппаратом. Там, на границе стратосферы, достаточно холодно, но с уменьшением высоты быстро росла температура и давление. В зоне, где сейчас парил «Кон-Тики», градусник показывал минус пятьдесят — давление равнялось пяти атмосферам. В ста километрах ниже будет жарко, как в земных тропиках, а давление такое же, как на дне глубокого моря. Идеальные условия для возникновения жизни...

Минула четвертая часть короткого юпитерианского дня. Солнце поднялось уже довольно высоко, но сплошная пелена облаков внизу была озарена удивительно мягким светом. Лишних пятьсот миллионов километров заметно умерили силу солнечных лучей. Несмотря на ясное небо, Фолкен не мог избавиться от ощущения, что выдался пасмурный день. Надо думать, ночь спустится очень быстро. А пока царило словно осеннее утро. С той поправкой, что на Юпитере не бывает осени, вообще нет никаких времен года.

«Кон-Тики» вошел в атмосферу в центре экваториальной зоны — наименее красочной из широтных зон планеты. Облачная пелена была лишь чуть-чуть тронута желтизной, не то что желтые, розовые, даже красные кольца, опоясывающие Юпитер в более высоких широтах. Знаменитое «красное пятно», самая броская примета Юпитера, находилось далеко на юге. Было очень соблазнительно опуститься там, но атмосферная активность в южных тропиках была слишком велика, скорость течений достигала полутора тысяч километров в час. Нырять в чудовищный водоворот неведомых стихий значило напрашиваться на большие неприятности. Пусть будущие экспедиции займутся «красным пятном» и его загадками.

Солнце перемещалось в небе вдвое быстрее, чем на Земле. Оно уже приблизилось к зениту, и серебристый балдахин газовой оболочки заслонил его. «Кон-Тики» по-прежнему шел на запад со скоростью трехсот пятидесяти километров в час, сохраняя ровный ход. Всегда ли здесь так спокойно? Похоже, что ученые, которые говорили о штелевых полосах Юпитера и называли экватор самой тихой зоной, не ошиблись. Фолкен весьма скептически относился к такого рода прогнозам, ему гораздо больше imponировали слова одного на редкость скромного исследователя, категорически заявившего: «Никто не знает точно, что делается на Юпитере».

Что ж, под конец дня кто-то будет это знать...

Если Фолкен сумеет дожить до ночи.

В этот первый день всевышний был к нему милостив. На Юпитере было так же тихо и мирно, как над равнинами Северной Индии много лет назад, когда он парил в земных небесах вместе с Вебстером. У Фолкена было время овладеть своими новыми способностями до такой степени, что он будто слился с «Кон-Тики». Он никак не рассчитывал на такую удачу и спрашивал себя, какой ценой придется за нее расплачиваться.

Пятичасовой день подходил к концу. Изборожденные теньями облака внизу теперь казались массивнее, чем когда Солнце стояло выше в небе. Краски заката поблекли, только прямо на западе горизонт опоясывала полоса темнеющего пурпура. Над нею бледным серпом светилась одна из лун.

Простым глазом было видно, как Солнце быстро ушло за край планеты, до которого было около трех тысяч километров. Вспыхнули мириады звезд, и в их числе на самом краю сумеречной зоны прекрасная вечерняя звезда Земли — напоминание о том, как далеко он находится от родного мира. Следом за Солнцем она скрылась на западе. Началась первая ночь человека на Юпитере.

С наступлением темноты «Кон-Тики» пошел вниз. Шар уже не нагревался солнечными лучами и потерял частицу своей подъемной силы. Фолкен не стал возмещать потерю. Этот спуск входил в его планы.

До незримой пелены облаков оставалось больше пятидесяти километров. Около полуночи он достигнет ее. А пока облака можно наблюдать на экране инфракрасного локатора; тот же прибор сообщал, что в них, кроме водорода, гелия и аммиака, множество сложных углеродистых соединений. Химики с огромным нетерпением ждали проб этого рыхлого розового вещества. Правда, автоматические зонды уже доставили несколько граммов, но от такой малости у исследователей лишь еще больше разгорелся аппетит. Высоко над поверхностью Юпитера в атмосфере была обнаружена добрая половина молекул, необходимых для возникновения жизни. Есть строительный материал — так, может быть, и постройки существуют? Этот вопрос уже свыше ста лет оставался без ответа.

Инфракрасные лучи отражались облаками, но миллиметровые волны пронизывали их слой за слоем и ощупывали поверхность планеты в четырехстах километрах под «Кон-Тики». Путь туда был Фолкenu закрыт колоссальными давлениями и температурами. Даже автоматы не могли невредимыми достичь поверхности Юпитера. Вот она — на экране радара, манящая и неприступная... И приборы бессильны расшифровать тайну ее своеобразной зернистой структуры.

Через час после захода Солнца Фолкен выпустил первый зонд. Он быстро пролетел первые сто километров, потом завис в более плотных слоях и передал вагон данных, которые Фолкен транслировал в Центр управления, после чего ему до самого восхода Солнца оставалось лишь следить за скоростью снижения, снимать показания приборов да иног-

да отвечать на запросы. Влекомый устойчивым течением, «Кон-Тики» мог сам собой управлять.

Перед самой полночью в Центре заступила на дежурство оператор-женщина. Она представилась Фолкену, они обменялись привычными остротами. Через десять минут он снова услышал ее голос, на этот раз серьезный и взволнованный.

— Говард! Прослушай сорок шестой канал.

Сорок шестой? Телеметрических каналов было столько, что он помнил лишь самые важные. Но как только установил переключатель в нужное положение, сразу понял, что принимает сигналы от микрофона на зонде, который висел в ста тридцати километрах под ним в атмосфере, плотность приближающейся к воде.

Сперва он услышал шипение ветра — необычного ветра, который дул там, во мраке непостижимого мира. А затем на этом фоне родилась мощная вибрация. Сильнее... сильнее... будто рокот исполинского барабана. Сила звука была такая, что Фолкен не только слышал, но и осязал его. И частота ударов непрерывно возрастала, хотя высота тона не изменялась. Под конец рокот слился почти в сплошной гул на нижнем пределе доступных человеческому уху частот. И вдруг он оборвался, смолк — смолк так внезапно, что мозг не сразу воспринял тишину, память продолжала отзываться эхом где-то в черепной полости.

Фолкен в жизни не слышал ничего похожего, никакие земные звуки не шли тут в сравнение. Тщетно пытался он представить себе какое-нибудь явление природы, способное породить такую вибрацию. И на голос животного непохоже, даже если взять больших китов...

Звук повторился, повторился в точности. На этот раз Фолкен подготовился и засек его продолжительность. От первой слабой вибрации до заключительного крещендо чуть больше десяти секунд.

А еще он услышал настоящее эхо, очень слабое и далекое. Возможно, звук отразился от одного из многочисленных атмосферных слоев. Возможно, от какого-нибудь другого, еще более удаленного препятствия. Фолкен подождал, однако второго эха не было.

Центр управления реагировал немедленно и попросил его выпустить второй зонд. Два микрофона позволят хотя бы приблизительно локализовать источники звука. Как ни странно, наружные микрофоны самого «Кон-Тики» уловили только шум ветра. Очевидно, таинственный рокот встретил препятствие в виде отражающего слоя и растекся вдоль него.

Приборы определили, что звуки исходили из нескольких сгруппированных вместе источников, до которых было около двух тысяч километров. Изрядное расстояние еще ничего не говорило об их мощи. В земных океанах довольно слабые звуки могут пройти такой же путь. Что до само собой напрашивающегося предположения, что виновниками были живые существа, то главный экзобиолог сразу же отверг его.

— Я буду очень разочарован, — сказал доктор Бреннер, — если здесь не окажется ни растений, ни микроорганизмов. Но ничего похожего на животных не может быть там, где отсутствует свободный кислород. Все биохимические реакции на Юпитере должны протекать на низком энергетическом уровне. Активному существу попросту не откуда почерпнуть силы для своих жизненных функций.

Аргументы Бреннера показали Фолкену не очень убедительными. Он уже слышал их раньше и предпочел не спешить с выводами.

— Так или иначе, — продолжал экзобиолог, — длина звуковой волны порой достигала девяноста метров! Даже зверь величиной с кита не способен производить такие звуки. Так что речь идет о каком-то природном явлении.

Что ж, весьма правдоподобная версия. Наверное, физики найдут ответ. В самом деле, как истолкует слепой пришелец из другого мира гул бушующего моря, или гейзера, или вулкана, или водопада? Он вполне может приписать эти звуки огромному животному.

Примерно за час до восхода голоса из пучины смолкли, и Фолкен стал готовиться ко второй встрече юпитерианского рассвета. От ближайшей пелены облаков «Кон-Тики» теперь отделяло всего пять километров. Наружное давление возросло до десяти атмосфер, температура царила тропическая — тридцать градусов. Человек вполне мог бы находиться в такой атмосфере, надев акваланг с надлежащей оксигелиевой смесью.

— Принимай приятные новости, — сообщил Центр управления сразу после восхода Солнца. — Облака начинают рассеиваться. Через час местами совсем прояснится. Но остерегайся турбулентности!

— Уже чувствую кое-что, — ответил Фолкен. — На какую глубину я буду видеть?

— Километров на двадцать, до следующего слоя конденсации. Та пелена будет поплотнее, она никогда не расколет.

«И для меня она недоступна», — сказал себе Фолкен. Температуры там превышают сто градусов. Впервые «потолок» находился не над головой воздухоплатателя, а под его ногами!

Через десять минут он заметил то, что Центр управления уже обнаружил сверху. Окраска облаков у горизонта изменилась, поверхность стала неровной, бугристой, словно ее кто-то смял. Фолкен слегка подстегнул свой маленький реактор и набрал пяток километров высоты, чтобы лучше видеть.

Внизу и в самом деле быстро ширился просвет, как будто что-то растворяло плотную пелену. Перед его глазами разверзлась бездна. «Кон-Тики» очутился над окном глубиной около двадцати и шириной около тысячи километров.

Со всем новым мир открылся Фолкену. Юпитер сбросил одну из своих многочисленных вуалей. Вторая пелена, дразнящая воображение своей недосыгаемостью, была намного темнее первой. Цвет розоватый, с островками пятен кирпич-

ного оттенка. Пятна были овальные, вытянутые в направлении господствующего ветра, с востока на запад, примерно одинаковой величины. Фолкен насчитал сотни таких островков — они напоминали ему пухлые кучевые облака в земных небесах.

Он уменьшил подъемную силу, и «Кон-Тики» пошел вниз вдоль тающего обрыва. И тут Фолкен увидел снег.

Белые хлопья возникали в воздухе и медленно падали. Но откуда в такой жаре снег? Не говоря уже о том, что на этой высоте вряд ли можно найти пары воды! К тому же низвергающийся сверху каскад хлопьев не сверкал и не переливался на солнце. Несколько штук легли на штангу перед главным иллюминатором, и Фолкен смог рассмотреть их. Белые, матовые, непрозрачные... Отнюдь не кристаллические... И довольно большие, сантиметров десять в поперечнике. Похоже на воск. Скорее всего воск и есть. В атмосфере вокруг «Кон-Тики» идет какая-то химическая реакция, она и рождает парящие над Юпитером хлопья углеводородов.

Километрах в ста прямо по курсу что-то всколыхнуло вторую облачную пелену. Красные овалы заметались, потом начали выстраиваться по спирали. Обычная схема циклона, хорошо знакомая земной метеорологии. Спираль ширилась с поразительной быстротой. Если там рождается ураган, «Кон-Тики» ожидают немалые проблемы...

В следующий миг тревога в душе Фолкена сменилась удивлением. А удивление уступило место страху... Нет, это вовсе не ураган. Что-то огромное, не один десяток километров в поперечнике, всплывало из толщи облаков на его пути.

Может быть, просто-напросто облако, грозовое облако заварилось в нижних слоях атмосферы? Да нет, тут что-то плотное. Что-то плотное пропороло розоватую пелену, буд-то всплывший из глубин айсберг.

Айсберг, плавающий в водородной среде? Вздор, конечно. И все же в этом сравнении что-то было. Направив свой телескоп на загадочный бугор, Фолкен рассмотрел какую-то беловатую аморфную массу с красными и бурными полосами. Не иначе, перед ним то самое вещество, которое образует «снежинки». Целая гора воска. И не такая уж она компактная, как ему показалось сначала. Кромка таинственного образования все время крошилась и переливалась...

— Я знаю, что это такое, — доложил он в Центр управления, который уже несколько минут осыпал его тревожными запросами. — Скопление пузырьков, какая-то пена — углеводородная пена. Скажите химикам, пусть... Нет, постойте!

— В чем дело? — заволновался Центр. — Что случилось?

Пренебрегая отчаянными призывами из космоса, Фолкен сосредоточил все внимание на том, что ему рисовал телескоп. Тут необходима полная уверенность... Ошибешься — станешь посмешищем для всей солнечной системы.

Наконец он расслабился, поглядел на часы и отключил настойчивый голос Центра.

— Вызываю Центр управления, — сухо произнес он в микрофон. — Говорит Говард Фолкен с борта «Кон-Тики». Эфемеридное время — девятнадцать часов, двадцать одна минута, пятнадцать секунд. Широта ноль градусов, пять минут, северная. Долгота сто пять градусов, сорок две минуты, система один. Передайте доктору Бреннеру, что на Юпитере есть живые организмы. Да еще какие!..

5

— Я очень рад, что мое утверждение опровергнуто, — донесло радио веселый голос доктора Бреннера. — У природы всегда в запасе какой-нибудь козырь. А теперь наведи-ка на цель дальнобойную камеру и передай нам возможно более четкую картинку.

До восковой горы было еще слишком далеко, чтобы Фолкен мог как следует рассмотреть то, что двигалось вверх-вниз по ее склонам. Во всяком случае, что-то очень большое, иначе он вообще ничего не увидел бы... Почти черные существа, формой напоминающие наконечник стрелы, совершали медленные волнообразные движения — будто исполненные «манты» плавали над тропическим рифом.

Можно было подумать, что боги пасут свой скот на облачных лугах Юпитера, ведь эти твари явно обглаживали бурые полосы, избороздившие склоны горы, словно высохшие русла. Время от времени то одна, то другая тварь ныряла в пенную массу и пропадала из виду.

«Кон-Тики» летел очень медленно по отношению к облакам внизу. Пройдет не меньше трех часов, прежде чем он достигнет восковых бугров. И солнце опережало его — хоть бы успеть до темноты получить хорошее изображение этих «мант» и зыбкого ландшафта, над которым они парят.

И какие же это были долгие часы! Фолкен все время держал включенными наружные микрофоны — может быть, перед ним объяснение ночного рокота? «Манты» были достаточно велики, чтобы издавать такие звуки. Точное измерение показало, что размах крыльев у них почти девяносто метров. В три раза больше длины самого крупного кита. Но вес от силы несколько тонн.

За полчаса до заката «Кон-Тики» подошел к «горе».

— Нет, — отвечал Фолкен на повторные запросы Центра управления, — они по-прежнему никак не реагируют на мое присутствие. Не думаю, чтобы это были разумные создания. Скорее какие-нибудь безобидные травоядные. И даже если бы попытались напасть, все равно им не подняться на такую высоту.

По чести говоря, он был слегка разочарован тем, что «манты» не обратили на него никакого внимания, когда он пролетал над их пастбищем. Может быть, они и не могут его обнаружить... Разглядывая и фотографируя их через телескоп, Фолкен не заметил ничего похожего на органы

чувств. Будто огромные черные дельты из греческого алфавита сновали над горами и долами, которые плотностью немногим превосходили земные облака. На вид-то вон какие прочные, а наступи на белый склон — и провалишься, как сквозь папиросную бумагу.

Вблизи он рассмотрел слагающие «гору» многочисленные полости или пузыри. Иные достигали больше метра в поперечнике, и Фолкен спрашивал себя, в каком чертовом котле варилась эта смесь углеводов. Похоже, если зарыться поглубже в юпитерианскую атмосферу, найдешь столько полезного сырья, что землянам хватит на миллион лет.

Короткий день был на исходе, когда «Кон-Тики» прошел над гребнем восковой «горы»; ее нижние склоны уже обволакивал сумрак. На западной стороне «мант» не было, и рельеф тут почему-то выглядел совсем иначе. Длинные горизонтальные террасы, вылепленные из пены, чем-то напоминали внутренность лунного кратера. Ни дать ни взять исполинские ступени, ведущие вниз, к невидимой поверхности планеты.

На нижней ступеньке, как раз над роем облаков, которые «гора» потеснила, вздымаясь к небесам, прилепилась какая-то почти овальная масса шириной в несколько километров. Ее трудно было обнаружить, она была лишь чуть темнее окружающей сероватой пены. В первую минуту Фолкену почудилось, что перед ним лес из белесых деревьев или грибов-исполинов, никогда не видевших солнца.

Нет, в самом деле лес... Из белой восковой пены торчали сотни тонких стволов, правда, торчали что-то уж очень густо, просветов почти не видно. А может быть, не лес это, а одно огромное дерево. Что-нибудь вроде восточного баньяна, известного множеством дополнительных стволов. На Яве Фолкен однажды видел баньян, под сенью которого можно было пройти по прямой шестьсот метров. Но это чудовище раз в десять больше!

Темнело. Отраженные солнечные лучи окрасили облачный ландшафт в пурпурный цвет. Еще несколько секунд, и все поглотит мрак. Но в свете угасающего дня — своего второго дня на Юпитере — Фолкен успел увидеть нечто такое, что заставило его усомниться, справедливо ли сравнивать белесый овал с деревом.

Если только слабое освещение его не обмануло, все эти сотни стволов качались в лад туда и обратно, будто колеблемые прибором водоросли.

И главное — «дерево» передвигалось.

— Жаль тебя огорчать, — сообщил Центр управления вскоре после захода Солнца, — но похоже, что через час можно ждать извержения Беты. Вероятность семьдесят процентов.

Фолкен бросил взгляд на карту. Бета находилась на сто сороковом градусе юпитерианской широты, почти в тридцати тысячах километров от него, далеко за горизонтом. И хо-

тя мощность взрывных извержений этого источника достигала десяти мегатонн, на таком расстоянии ударная волна не грозила ему серьезными неприятностями. Иное дело радиобура.

Десятиметровые всплески, благодаря которым Юпитер временами становился самым мощным источником радиоизлучения на всем звездном небе, были открыты уже в 1950-х годах и вызвали немалый переполох среди астрономов. И теперь, больше ста лет спустя, причина их оставалась загадкой. Симптомы известны, а диагноза нет.

Самой живучей оказалась вулканическая гипотеза, при этом все понимали, что на Юпитере слово «вулкан» обозначает нечто совсем другое, чем на Земле. В нижних слоях юпитерианской атмосферы, может быть, даже на самой поверхности планеты, то и дело — иногда по нескольку раз в день — происходили сильнейшие извержения. Огромный столб газа, высотой больше тысячи километров, устремлялся вверх так, словно вознамерился улететь в космос.

Конечно, поле тяготения величайшей из планет солнечной системы не отпускало его. Но часть столба — от силы несколько миллионов тонн — обычно достигала ионосферы. Тут-то и начиналось...

Земные пояса Ван Аллена — жалкие карлики перед радиационными поясами Юпитера. И когда газовый столб устраивает короткое замыкание, возникает электрический разряд в миллионы раз мощнее любой земной молнии. «Гром» от этого разряда — в виде радиоизлучений — раскатывается по всей солнечной системе и за ее пределами.

Было обнаружено четыре основных центра радиоизлучения на Юпитере. Возможно, поверхность в этих местах обладает какими-то свойствами, которые позволяют раскаленному веществу сердцевины прорываться наружу. Ученые на Ганимеди, крупнейшем спутнике Юпитера, брались даже предсказывать десятиметровые всплески. Их прогнозы были такими же надежными, как прогнозы погоды на Земле в начале двадцатого века...

Фолкен не знал, бояться радиобури или радоваться ей. Ведь он сможет сделать ценнейшие наблюдения. Если останется жив. Весь маршрут был рассчитан так, чтобы «Кон-Тики» находился возможно дальше от главных очагов излучения, особенно самого беспокойного из них — центра Альфа. Но случай захотел, чтобы сейчас проявил свой нрав ближайший очаг — Бета. Оставалось надеяться, что расстояние, равное трем четвертям земной окружности, все же предохранит его...

— Вероятность девяносто процентов, — прозвучал взволнованный голос из Центра. — И забудь слова «через час». Ганимед передает: извержения можно ждать с минуты на минуту.

Не успел оператор договорить, как кривая на приборе, измеряющем напряженность магнитного поля, полезла вверх. Не доходя края шкалы, она повернула и так же быстро пошла вниз. Далеко-далеко что-то всколыхнуло жидкое ядро планеты.

— Вот оно! — крикнуло радио.

— Спасибо, я уже заметил. Когда буря дойдет до меня?

— Первые признаки жди через пять минут. Пик — через десять.

Где-то за дугой юпитерианского горизонта столб газа шириной с Тихий океан устремился к космосу со скоростью тысячи километров в час. В нижних слоях атмосферы уже бушевали грозы, но это было ничто перед тем, что разразится, когда радиационные пояса обрушат на планету избыточные электроны. Фолкен принялся убирать штанги с наружными приборами. Единственная мера предосторожности, которую он мог принять. Атмосферная ударная волна дойдет до него через четыре часа, но радиоизлучение достигнет его через десятую долю секунды, когда произойдет разряд.

Радиомонитор прощупал весь спектр частот, но обнаружил лишь обычный фон беспорядочных помех. А затем Фолкен заметил, что уровень шумов медленно возрастает. Мощь извержения увеличивалась.

Он не ожидал, что при таком расстоянии что-нибудь увидит, однако внезапно вдоль восточного горизонта заплескали отблески далеких сполохов. Одновременно сработала половина автоматических предохранителей, погасли лампы, смолкли все каналы связи.

Фолкен хотел пошевелиться — не мог. Это было не только психологическое оцепенение, конечности не слушались его, и что-то больно кололо все тело. Казалось невозможным, чтобы электрические заряды могли проникнуть в изолированную кабину, и, однако, приборная доска излучала призрачное сияние, а слух Фолкена уловил характерный треск коронного разряда.

Очередь резких щелчков возвестила, что сработала аварийная система. Она нейтрализовала перегрузки, снова загорелись лампочки, и оцепенение прошло так же быстро, как возникло.

Убедившись, что все приборы опять работают нормально, Фолкен живо повернулся к иллюминатору.

Ему не надо было включать контрольный свет — тросы, на которых висела капсула, словно горели. От кольца к экватору гигантского шара тянулись во мраке яркие голубые струи электричества. И вдоль этих струй катились ослепительные огненные шары.

Картина была до того чарующей и необычной, что не хотелось думать об опасности. Мало кто наблюдал так близко шаровые молнии. И ни один из тех, кто встречался с ними в земной атмосфере, паря на воздушном шаре, наполненном водородом, не остался жив. Перед внутренним взором Фолкена в который раз пробежали страшные кадры старой кинохроники — гибель дирижабля «Гинденбург», подожженного случайной искрой при посадке в Лэйкхерсте в 1937 году. Но здесь такая катастрофа исключена, хотя в оболочке над головой Фолкена было больше водорода, чем в том цепелине. Пройдет не один миллиард лет, прежде чем кто-нибудь сможет развести огонь в атмосфере Юпитера.

Послышался треск, словно жарили сало на сковороде, — это ожил канал микрофонной связи.

— Алло, «Кон-Тики», ты слышишь нас? «Кон-Тики», ты слышишь?

Слова были сильно искажены и будто изрублены, но понять можно. Фолкен повеселел. Контакт с миром людей восстановлен...

— Слышу... — ответил он. — Великолепный электрический спектакль — и никаких повреждений. Пока.

— Спасибо. Мы уже думали, что потеряли тебя. Будь другом, проверь телеметрические каналы третий, седьмой и двадцать шестой. Потом второй камеры. И нас что-то смущают показания измерителей ионизации...

Фолкен неохотно оторвался от пленительного фейерверка вокруг «Кон-Тики». Все же изредка он поглядывал в иллюминаторы. Первыми пропали шаровые молнии — они росли в объеме и взрывались, достигнув критической величины. Но еще и час спустя все металлические части на внешней оболочке капсулы продолжали светиться. А радио продолжало потрескивать половину ночи.

В оставшиеся до утра часы все было спокойно. Лишь перед самым восходом на востоке появилось какое-то зарево, и Фолкен сначала принял его за утреннюю зарю, но потом сообразил, что до зари еще минут двадцать. К тому же зарево приближалось к нему. Сравнительно узкая, четко ограниченная полоса... Казалось, в небе под облаками шарит луч исполненного прожектора.

Километрах в ста за первым лучом появился второй, он летел параллельно ему с той же скоростью. А за вторым еще один, и еще, и еще... И вот уже все небо расписано полосами света и тьмы!

Чудеса уже перестали быть неожиданностью для Фолкена, и он не представлял себе, чтобы эти беззвучные переливы холодного света чем-то ему угрожали. Но зрелище было таким поразительным и таким непостижимым, что ледящий страх проник в его душу, подтачивая самообладание. Какой человек не почувствовал бы себя жалким пигмеем перед лицом столь могучих и непонятных сил... Может быть, на Юпитере все-таки есть не только жизнь, но и разум? И теперь этот разум наконец-то начинает реагировать на вторжение постороннего?

— Да, видим. — В голосе из Центра звучал отголосок того же страха, который владел Фолкеном. — Никакого понятия, что это может быть. Будь наготове, вызываем Ганмед.

Феерия медленно угасала. Каждая новая полоса, выходящая из-за горизонта, была намного бледнее предыдущих, энергия их явно истощалась. Еще через пять минут все было кончено. Последний слабый отблеск пропал за горизонтом на западе. И сразу Фолкен ощутил огромное облегчение. Невозможно было долго созерцать такое завораживающее и пугающее зрелище без ущерба для душевного покоя...

Фолкен сам себе не хотел признаваться, как сильно он

потрясен. Радиобурю еще как-то можно понять, но это... Это было нечто совершенно непостижимое.

Центр управления молчал. Фолкен знал, что сейчас идет лихорадочная работа в информационном центре на Ганимеде, люди и электронные машины стараются решить проблему. Не найдут ответа, придется запросить Землю, что означает задержку почти на час. А если и Земля не сумеет помочь? Нет, о таком варианте лучше не думать.

И когда Центр управления снова вышел в эфир, Фолкен обрадовался ему так, как еще никогда не радовался. Говорил доктор Бреннер, говорил с явным облегчением, хотя и несколько глухо, как человек, только что переживший серьезную встряску.

— Алло, «Кон-Тики»! Мы решили проблему, но до сих пор как-то не верится... То, что ты наблюдал, — биолюминесценция, очень похожая на свечение микроорганизмов в тропических морях Земли. Правда, здесь мы видим ее в атмосфере, но принцип один и тот же.

— Но рисунок! — возразил Фолкен. — Рисунок был такой правильный, совсем искусственный. И полосы тянулись на сотни километров!

— Даже больше, чем ты можешь себе представить. Тебе было видно лишь малую часть. Вся эта штука достигала в ширину пяти тысяч километров и напоминала вращающееся колесо. Ты видел только спицы этого колеса, они пронеслись со скоростью около километра в секунду...

— В секунду! — невольно воскликнул Фолкен. — Никакое животное не может развить такую скорость!

— Конечно, не может. Я сейчас объясню. Ты наблюдал явление, которое было вызвано ударной волной от очага Бета, а эта волна перемещалась со скоростью звука.

— А рисунок? — не унимался Фолкен.

— Немудрено, что он тебя так удивил, ведь речь идет о редчайшем явлении. Но такие световые колеса, только в тысячу раз меньше, наблюдались в Персидском заливе и Индийском океане. Вот послушай запись о наблюдении, которое было сделано с британского торгового судна «Патна» в мае 1880 года в Персидском заливе: «Огромное светящееся колесо вращалось так, что спицы его, казалось, задевали судно. Длина спиц составляла метров двести-триста... Всего в колесе было около шестнадцати спиц...» А вот сообщение от 23 мая 1906 года, дело происходило в Оманском заливе: «Яркое сияние быстро приближалось к нам, излучая в западном направлении четко ограниченные лучи, напоминающие лучи прожекторов военного корабля... Слева от нас образовалось огромное огненное колесо, его спицы терялись вдаль. Колесо это продолжало вращаться две или три минуты...» ЭВМ на Ганимеде раскопала в архиве около пятисот случаев и принялась все выписывать, да мы ее остановили.

— Ладно, вы меня убедили, но все равно я ничего не понимаю.

— Еще бы... Полностью объяснить это явление удалось только в конце двадцатого века. Судя по всему, светящие-

ся колеса образуются при землетрясениях на дне моря, причем всегда на мелких местах, где ударные волны отражаются и получается устойчивый узор — когда балки, когда вращающиеся колеса. Кстати, их называли колесами Посейдона. Эта гипотеза была окончательно доказана, когда произвели взрывы под водой и сфотографировали результат со спутника. Недаром моряки склонны к суеверию... Кто бы подумал, что такое возможно!

«Да, очевидно, так оно и было, — сказал себе Фолкен. — Когда произошло извержение в центре Бета, во все стороны пошли ударные волны — и через сжатый газ в нижних слоях атмосферы, и через более плотное тело самого Юпитера. Эти волны встречались, перекрещивались, здесь взаимно уничтожались, там усиливали друг друга... Должно быть, вся планета вибрировала, словно колокол».

Но чувство удивления и ужаса не проходило. Никогда ему не забыть этих развевающихся световых лент, которые вырвались из недосыгаемых глубин юпитерианской атмосферы. У Фолкена было такое ощущение, будто он находится не просто на чужой планете, а в магическом царстве на грани мифа и действительности.

Поистине в этом мире может произойти все, что угодно. И ни один человек не в состоянии угадать, что принесет завтрашний день.

А ведь у него и впрямь еще целый день впереди...

6

Когда наконец рассвело по-настоящему, погода внезапно переменялась. «Кон-Тики» летел сквозь буран. Хлопья воска падали так густо, что видимость сократилась до нуля. Фолкен с тревогой думал о том, как оболочка выдержит дополнительный груз, пока не заметил, что хлопья, лежащие на иллюминаторы снаружи, быстро исчезают. От выделяемого «Кон-Тики» тепла воск тут же таял.

Если бы полет происходил на Земле, Фолкену следовало бы опасаться столкновения. Здесь можно было не бояться этого, все горы Юпитера находились в сотнях километров под ним. Что до плавучих островов, то врезаться в них было бы примерно то же, что налететь на слегка отвердевшие мыльные пузыри.

Тем не менее Фолкен включил горизонтальный радар, которым до сих пор не пользовался, ограничиваясь вертикальным лучом, чтобы определять расстояния до невидимой поверхности планеты. И сразу же его ожидал новый сюрприз.

В широком секторе неба перед ним были разбросаны десятки больших, отчетливых эхо-сигналов. Они были совершенно изолированы друг от друга и словно висели в воздухе. Фолкен припомнил, как первые воздухоплаватели в ряду угрожавших им опасностей называли «облака, начиненные камнями». Здесь это выражение было бы в самый раз.

Фолкен забеспокоился, но тут же сказал себе, что в этой

атмосфере не могут парить никакие твердые предметы. Скорее всего какое-нибудь своеобразное метеорологическое явление... К тому же до ближайшей цели было около двухсот километров.

Он доложил о своем наблюдении в Центр управления. Центр не смог помочь ему с расшифровкой эхо-сигнала, но утешил сообщением, что через полчаса он выйдет из бурана. Однако его не предупредили о сильном боковом ветре, который вдруг подхватил «Кон-Тики» и понес его почти под прямым углом к прежнему курсу. Возможности управлять воздушным шаром были невелики, и от Фолкена понадобилось все его умение, чтобы не дать неуклюжему аппарату опрокинуться. Несколько минут он мчался на север со скоростью свыше пятисот километров в час. Потом турбулентность прекратилась так же внезапно, как родилась. Уж не нарвался ли он на юпитерианское струйное течение?

Тем временем буран угомонился, и Фолкен увидел, что еще для него припас Юпитер.

«Кон-Тики» очутился в огромной вращающейся воронке шириной около тысячи километров. Шар несло вдоль изогнутой стены облаков. Над головой Фолкена в ясном небе светило Солнце, внизу воронка ввинчивалась в атмосферу до неизведанных мгlistых глубин, где почти непрерывно сверкали электрические разряды. Хотя шар опускался так медленно, что никакой непосредственной угрозы не было, Фолкен увеличил подачу тепла в оболочку и уравнил аппарат. После чего заставил себя оторваться от фантастических картин за иллюминатором и снова обратился к радару.

Теперь до ближайшей цели было километров сорок. Он быстро убедился, что все цели привязаны к стенам воронки и вращаются вместе с ней — очевидно, их, как и «Кон-Тики», подхватило течением. Наведя телескоп в направлении, указанном радаром, Фолкен увидел странное крапчатое облако.

Хотя оно заполнило почти все поле зрения, рассмотреть его было трудно — облако лишь немногим отличалось по цвету от вращающегося туманного фона. И только через несколько минут Фолкен сообразил, что один раз уже видел такое облако.

В тот раз оно ползло по склону пенной горы, и он принял его за исполинское дерево с множеством стволов. Теперь ему представилась возможность точно определить его размеры и строение. И подобрать название, лучше всего отвечающее его облику. И вовсе не на дерево оно похоже, а на медузу... Ну конечно, на медузу из тех, которые медленно плывут в теплых струях Гольфстрима, волоча за собой длинные щупальца.

Но эта медуза достигала больше полутора километров в поперечнике. Десятки щупальцев стометровой длины покачивались в лад туда и обратно. На каждый взмах уходила минута с лишним. Казалось, эта тварь тяжело идет на веслах по небу.

Остальные, более удаленные цели тоже были медузами. Фолкен навел телескоп на одну, на другую, на третью...

Никакой разницы ни в форме, ни в величине. Очевидно, все они представляли один вид. Но почему медузы так безвольно вращаются по тысячекilометровому кругу? Может быть, кормятся воздушным планктоном, который засосало в воронку так же, как и «Кон-Тики»?

— Ты подумал, Говард, — заговорил доктор Бреннер, придя в себя от удивления, — что эти создания примерно в сто тысяч раз больше самого крупного кита? Даже если это всего-навсего мешок с газом, он весит около миллиона тонн! Как происходит у него обмен веществ, выше моего разумения. Этому животному, чтобы парить, нужно производить мегаватты энергии.

— Но если это лишь мешок с газом, почему он так хорошо лоцируется?

— Не имею ни малейшего представления. Ты можешь подойти ближе?

Это был не праздный вопрос. Изменяя высоту и используя разницу в скорости ветра, Фолкен мог приблизиться к медузе на любое расстояние. Впрочем, пока что он предпочитал сохранять дистанцию сорок километров, о чем и заявил достаточно категорически.

— Я тебя понимаю, — неохотно согласился Бреннер. — Ладно, и на том спасибо.

«Спасибо»... Хорошо ему рассуждать там, за сто тысяч километров от места действия.

Следующие два часа «Кон-Тики» продолжал вращаться в том же темпе вместе с воронкой. Фолкен испытывал разные фильтры, изменял фокусное расстояние, чтобы получить возможно более четкие снимки медузы. Может быть, эта неопределенная окраска — камуфляж? Медуза, подобно многим земным животным, старается слиться с фоном? К такому приему прибегает и охотник, и тот, на кого охотятся...

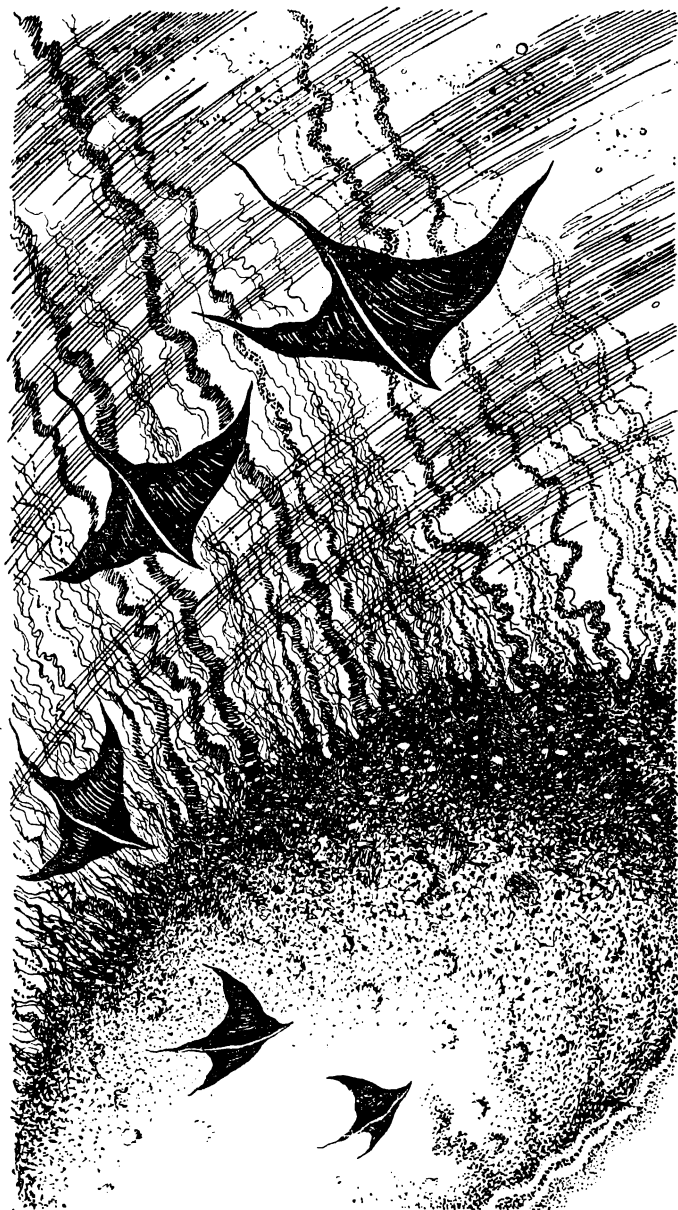
К какому разряду принадлежит медуза? За то короткое время, которое осталось в его распоряжении, он вряд ли получит ответ.

Но Фолкен ошибался — ответ последовал около полудня, последовал вдруг.

Словно эскадрилья реактивных истребителей старого типа, из тумана по краям воронки вынырнули пять «мант». Они шли плугом прямо на белесое облако медузы. Не приходилось сомневаться, что речь идет о преднамеренной атаке. Фолкен ошибся, приняв «мант» за безобидных растительноядных животных.

Правда, действие развивалось так неспешно, будто он смотрел замедленное кино. Мерно взмахивая крыльями, «манты» летели со скоростью от силы пятьдесят километров в час. Казалось, не одно столетие прошло, пока они достигли медузу, идущую еще более тихим ходом, чем «манты». При всей огромной величине они выглядели маленькими перед чудовищем, к которому приближались. Когда «манты» опустили на спину медузы, они были что птицы на спине кита.

Сумеет ли медуза защититься? Кроме этих длинных ма-

лоподвижных щупальцев, «мантам» вроде бы нечего опасаться. А может быть, медуза их даже и не замечает, как собака порой не замечает паразитирующих на ней блох.

Да нет, ей явно что-то не по нраву! Медуза начала крениться, медленно и неотвратно, словно погибающий корабль. Через десять минут крен достиг сорока пяти градусов. Одновременно медуза теряла высоту. Нельзя было не сочувствовать атакованному чудовищу. К тому же картина эта вызвала у Фолкена горькие воспоминания. Падение медузы выглядело гротескной пародией на последние минуты «Куин» после аварии.

А ведь на самом-то деле он должен бы сочувствовать другой стороне. Активный разум может развиваться только у хищников, а не у тех животных, которые лениво пасутся в морских или воздушных угодьях. «Манты» ему намного ближе, чем этот чудовищный мешок с газом. И вообще, можно ли по-настоящему симпатизировать существу, в сто тысяч раз превосходящему размерами кита?

И ведь тактика медузы, кажется, возымела действие... Ее маневр пришелся «мантам» не по нраву, и они тяжело взлетели, будто сытые стервятники, вспугнутые в разгар пиршества. Правда, они не стали особенно удаляться, а повисли в нескольких метрах от чудовища, которое продолжало валиться на бок.

Внезапно Фолкен увидел ослепительную вспышку, одновременно послышался треск в приемнике. Одна из «мант» медленно перевернулась и рухнула вниз. За ней тянулся шлейф дыма.

В ту же минуту остальные «манты» спикировали, уходя от медузы. Теряя высоту, они набрали скорость и быстро пропали за облаками, из которых явились. А медуза сперва остановилась, потом не спеша выровнялась и как ни в чем не бывало возобновила прежнее движение.

— Здорово! — нарушил напряженную тишину голос доктора Бреннера. — Электрическая защита, как у наших угрей и скатов. С той разницей, что в этом заряде был миллион вольт! Тебе не видно никаких органов, которые могли бы дать такую искру? Что-нибудь вроде электродов?

— Нет, — ответил Фолкен, прильнув к телескопу. — Но вот что странно... Видишь узор? Сравни с предыдущими снимками. Я уверен, что этого узора не было.

На боку медузы появилась широкая пятнистая полоса. Будто кусок шахматной доски, но каждая клетка, в свою очередь, была расписана сложным узором из горизонтальных черточек. Они располагались на равном расстоянии друг от друга, образуя одинаковые колонки.

— Ты прав, — произнес доктор Бреннер с благоговением в голосе. — Только что появился. И я даже не решаюсь поделиться с тобой своей догадкой.

— Ладно, я же не боюсь за свою репутацию. Во всяком случае, биологи меня не заклюют. Сказать, что я думаю?

— Говори.

— Это антенное устройство для метровых волн. Такими пользовались в двадцатом веке.

— Я боялся, что ты это скажешь... Теперь понятно, откуда такое сильное эхо.

— Но почему узор появился только теперь?

— Вероятно, это связано с разрядом.

— А знаешь, что мне сейчас пришло в голову? — медленно произнес Фолкен. — Ты не допускаешь, что чудовище слушает наш разговор?

— На этой частоте? Вряд ли. Это же метровые — нет, даже десятиметровые антенны, судя по их размерам... А что, в самом деле!

Доктор Бреннер умолк, ему явно пришла в голову какая-то новая мысль. Наконец он опять заговорил:

— Бьюсь об заклад, они настроены на радиобури! На Земле природа не сумела этого добиться. У нас есть животные с экзолотом, даже с органами чувств, воспринимающими электричество. Но радиоволны никто не воспринимает. Да и к чему это, когда предостаточно света! Но здесь другое дело, Юпитер весь пропитан радиоизлучениями. Эту энергию можно усваивать, использовать... Кто знает, может быть, перед тобой плавучая электростанция!

В разговор вмешался новый голос:

— Говорит руководитель полета. Все это очень интересно, однако сперва следует решить гораздо более важный вопрос. Можно ли считать это существо разумным? В таком случае нам не мешает вспомнить директивы о первом контакте.

— До того, как я попал сюда, — сдержанно отозвался доктор Бреннер, — я мог бы поклясться, что антенное устройство для коротких волн может создать только разумное существо. Теперь я в этом не уверен. Возможно, перед нами результат естественной эволюции. И, строго говоря, такое устройство не удивительнее человеческого глаза.

— Ясно... На всякий случай согласимся считать это существо разумным. Следовательно, экспедиция должна строго придерживаться всех положений директив о контакте.

Наступила тишина, все соображали, что из этого следует. Впервые в истории космонавтики пришла, похоже, пора применить правила, разработанные за сто с лишним лет. Человек извлек урок из ошибок, совершенных им на Земле. Не только моральные, но и чисто практические соображения требовали, чтобы эти ошибки не повторялись на других планетах. Обращаться с непонятым так, как американские поселенцы обращались с индейцами, как европейцы обращались с африканцами, — не миновать катастрофы...

Первое правило гласило: держись поодаль. Не пытайся приблизиться или хотя бы наладить общение, пока «они» не получат возможность как следует изучить тебя. Сколько времени должно длиться это «пока», никто не мог сказать. Решать этот вопрос предоставлялось непосредственно участнику контакта.

На плечи Говарда Фолкена легла ответственность, о какой он никогда не помышлял. В те немногие часы, что он

еще проведет на Юпитере, ему, быть может, суждено стать первым полномочным представителем человечества.

Ирония судьбы — да такая, что дальше ехать некуда. Он даже пожалел, что хирурги не смогли вернуть ему способность смеяться.

7

Начало темнеть, но все внимание Фолкена было сосредоточено на живом облаке в поле зрения телескопа. Ветер, несущий «Кон-Тики» по окружности исполинской воронки, сократил до двадцати километров расстояние между ним и медузой. Если он приблизится еще на десять километров, настанет пора принимать меры предосторожности. Хотя Фолкен был уверен, что оружие медузы поражает только вблизи, его не тянуло проверять, так ли это. Пусть этой проблемой займутся будущие исследователи.

Внезапно с поразительной силой раздался звук, который он уже слышал в юпитерианской ночи, словно вибрирующие удары пульса. Чаше, чаше — вся капсула вибрировала, будто горошина в литаврах, — и вдруг оборвался...

В напряженной тишине две мысли одновременно пришли в голову Фолкена.

На этот раз звук дошел до него не за тысячи километров и не по волнам радио — он пронизывал атмосферу вокруг «Кон-Тики».

Вторая мысль была еще более тревожной. Фолкен совсем забыл — непростительно, но ведь голова его была занята другими вещами, которые казались важнее, — что большая часть неба над ним закрыта газовой оболочкой аппарата. А ведь посеребренный для теплоизоляции шар непроницаем не только для глаза, но и для радара...

Все это он знал — знал о небольшом изъяне, с которым мирились, не придавая ему особого значения. Но сейчас изъян этот показался Говарду Фолкену очень серьезным.

Он увидел, как сверху на капсулу надвигается частокол огромных, толще любого дерева, щупальцев...

Послышался возбужденный голос Бреннера:

— Не забывай о директивах! Не раздражай его!

Раньше, чем Фолкен успел придумать подходящий ответ, все прочие звуки потонули в могучей барабанной дробе.

По-настоящему искусство пилота-испытателя проверяется не в таких аварийных ситуациях, которые можно предсмотреть, а в таких, возможность которых никому даже в голову не приходила. Фолкену на анализ ситуации понадобилось меньше секунды, затем он молниеносно дернул разрывной клапан.

На самом деле термин этот был пережитком старины — оболочка «Кон-Тики» вовсе не разорвалась, просто открылись клапаны в ее верхней половине. Нагретый газ устремился через них наружу, и «Кон-Тики», теряя подъемную силу, начал быстро падать в поле тяготения.

Чудовищные щупальца ушли вверх и пропали. Фолкен успел заметить, что они усеяны большими пузырями или

мешками — очевидно, для плавучести — и заканчиваются множеством тонких усиков.

Стремительное падение замедлилось в более плотных слоях атмосферы, где оболочка стала играть роль парашюта. Пролетев по вертикали около трех километров, Фолкен решил, что можно спокойно закрывать клапаны. Пока он восстановил подъемную силу аппарата и уравнивал его, было потеряно еще около полутора километров высоты, дальше опускаться было бы опасно.

Неспокойно поглядел он в верхний иллюминатор, хотя был уверен, что увидит только округлость шара. Однако при падении «Кон-Тики» немного отнесло в сторону, и далеко вверх Фолкен увидел край медузы. Впрочем, не так далеко, как хотелось бы... И медуза быстро опускалась вдогонку за ним — он даже не ожидал, что она способна развить такую скорость.

Радио донесло тревожный вызов Центра управления.

— У меня все в порядке! — прокричал в ответ Фолкен. — Но эта тварь продолжает меня преследовать, а мне больше некуда опускаться.

К великому своему облегчению, Фолкен обнаружил, что в полутора километрах над ним медуза перешла на планирующий полет. То ли решила быть поосторожнее с этим незнакомым существом, то ли ей была не по нраву высокая температура — градусник показывал больше пятидесяти по Цельсию в окружающей атмосфере.

Опять послышался голос Бреннера. Экзобиолога по-прежнему беспокоило соблюдение директивы о первом контакте.

— Учти, это может быть простое любопытство! — кричал он, правда, без особой уверенности. — Не вздумай ее пугать!

Фолкена уже начали раздражать все эти наставления, ему вспомнилась одна телевизионная дискуссия с участием специалиста по космическому праву и астронавта. Терпеливо выслушав все, что говорилось о контактных директивах и вытекающих из них последствиях, озадаченный астронавт воскликнул:

— Стало быть, если не будет другого выхода, я должен спокойно сидеть и ждать, когда меня сожрут?

На что юрист без тени улыбки ответил:

— Вы очень точно схватили суть вопроса.

Тогда это звучало забавно. Тогда, но не теперь.

А в следующую секунду Фолкен увидел нечто такое, что еще больше омрачило его настроение. Медуза по-прежнему парила в полутора километрах над ним, но одно ее щупальце невероятно удлинилось и, утончаясь на глазах, тянулось к «Кон-Тики».

— У меня скоро не останется альтернатив, — доложил он Центру управления. — Остается одно из двух: либо напугать эту тварь, либо вызвать у нее несварение желудка. Полагаю, ей нелегко будет переварить «Кон-Тики», если она собралась плотно поужинать.

Он ждал, что скажет на это Бреннер, но экзобиолог молчал.

— Ну хорошо... У меня еще осталось двадцать семь минут, но я включаю программу запуска. Надеюсь, хватит горючего, чтобы потом откорректировать траекторию.

Медуза пропала из виду, она опять была точно над аппаратом. Но Фолкен знал, что щупальце вот-вот дотянется до шара. А чтобы реактор развил полную мощность, нужно пять минут...

Но вот что плохо — воспламенитель рассчитан на другую высоту. Вот было бы километров на десять повыше, где на тридцать градусов холоднее и плотность атмосферы в четыре раза меньше...

При каком угле падения в диффузоре будет достаточно высокое давление, чтобы заработал двигатель? И следующий вопрос: сумеет ли он вовремя выйти из пике, если учесть, что в момент зажигания, помимо реактивной тяги, его будут увлекать к поверхности планеты два с половиной G юпитерианского тяготения?

Большая тяжелая рука погладила шар. Весь аппарат закачался вверх-вниз.

Конечно, не исключено, что Бреннер прав, эта тварь не замышляет ничего дурного. Попробовать обратиться к ней по радио? Что ей сказать? «Ах ты кисонька славная»? «На место, Трезор»? Или: «Проводите меня к вашему вождю»?

Соотношение тритий — дейтерий в норме... Можно поджигать смесь спичкой, дающей тепло в сто миллионов градусов.

Тонкий кончик щупальца обогнул шар и заболтался метрах в пятидесяти от иллюминатора. Он был толщиной с хобот слона — и такой же чувствительный, судя по осторожности, с какой он ощупывал окружающее. На самом конце — усики. Да, сюда бы сейчас доктора Бреннера...

Ну что ж, больше ждать не стоит. Фолкен обвел взглядом приборную доску, пустил механизм воспламенителя, рассчитанный на четырехсекундный интервал, сорвал предохранительную крышку и нажал кнопку «СБРОС».

Небольшой взрыв... Внезапное ощущение невесомости... «Кон-Тики» падал носом вниз. Над ним освобожденная от груза оболочка устремилась вверх, увлекая за собой пыливое щупальце. Фолкен не успел проследить, столкнулась ли она с медузой, потому что в эту секунду заработал ВРД и надо было думать о другом.

Ревущая струя горячей гелие-водородной смеси вырвалась из выходного сопла, придавая капсуле ускорение в сторону Юпитера. Фолкен не мог изменить курс, пока скорость не достигнет такой величины, когда начнут работать воздушные рули. Но если через пятьдесят секунд он не выведет «Кон-Тики» из пике, капсула чересчур углубится в нижние слои атмосферы и будет разрушена.

Мучительно медленно — пятьдесят секунд показались ему пятьюдесятью годами — аппарат вышел из пике. А затем Фолкен повернул его носом вверх. Оглянувшись назад, он в последний раз увидел вдалеке медузу. Оболочку шара не было видно — вероятно, выскользнула из щупалец.

Теперь Фолкен снова был сам себе хозяин, он больше не

дрейфовал по воле ветров Юпитера, а возвращался в космос, оседлав атомное пламя. ВРД позволит ему набрать нужную скорость и высоту и выйти на рубеж атмосферы, а там он перейдет на ракетный режим и вырвется на космические просторы.

На полпути к орбите Фолкен посмотрел на юг и увидел всплывающую над горизонтом великую загадку — «красное пятно», плавучий остров, вдвое превосходящий площадь земной шар. И неохотно оторвал от него взгляд лишь после того, как ЭВМ предупредила, что до перехода на ракетную тягу осталось всего шестьдесят секунд.

— В другой раз, — пробормотал Фолкен.

— Что-что? — встрепенулся Центр управления. — Ты что-то сказал?

— Да нет, ничего, — отозвался он.

8

— Теперь ты у нас герой, Говард, а не просто знаменитость, — сказал Вебстер. — Дал людям пищу для размышлений, для фантазии. Хорошо, если один из миллионов сам побывает на далеких гигантах, но мысленно все человечество посетит их. А это чего-то стоит.

— Я рад, что хоть немного облегчил тебе работу.

Старые друзья могут позволить себе не обращать внимания на иронический тон. И все-таки он удивил Вебстера. К тому же это была не первая новая черточка, которой поразил его Говард после возвращения с Юпитера.

Вебстер показал на знаменитую дощечку на своем письменном столе с призывом, заимствованным у одного импресарио прошлого века: «Удивите меня!»

— Я не стыжусь своей работы. Новое знание, новые ресурсы — все это необходимо. Но человек, кроме того, нуждается в свежих впечатлениях и приключениях. Космические полеты успели стать чем-то обычным. Благодаря тебе они снова окружены ореолом большой романтики. Юпитер еще не скоро станет в ряд заурядных, хорошо изученных объектов. Не говоря уже об этих медузах. Я вот почему-то уверен, что твоя медуза знала, где у тебя слепое пятно. Кстати, ты уже решил, куда полетишь в следующий раз? Сатурн, Уран, Нептун — выбирай, что по вкусу.

— Не знаю. Я думал о Сатурне, но там и без меня можно обойтись. Всего один G, а не два с половиной, как на Юпитере. Так что на Сатурне и человек справится.

«Человек... — сказал себе Вебстер. — Он говорит «человек»... А разве его мозг, вся его жизнь, и настоящая и будущая, не человеческие? Но сейчас с ним не время спорить...»

— Ладно, — произнес он вслух и встал, чтобы скрыть свое замешательство. — Пора начинать встречу. Камеры установлены, все ждут. Ты увидишь много старых друзей.

Вебстер сделал ударение на последних словах, но не за-

метил никакой видимой реакции. Эту кожаную маску — свое лицо — Говард еще будет носить долго...

Фолкен отъехал назад от стола, переключил свой лафет, убирая сиденье, и выпрямился на заменяющих ноги гидравлических опорах. Два метра десять сантиметров. Фолкен усмехнулся про себя: хирурги знали, что делали, прибавив ему тридцать сантиметров роста. Небольшая компенсация за все то, что он потерял при аварии «Куин».

Вебстер открыл дверь, после этого Фолкен аккуратно развернулся на пневматических шинах и бесшумно направился к ней со скоростью тридцати километров в час. Он вовсе не щеголял быстротой и точностью своих маневров, у него это получалось бессознательно.

«Я, Говард Фолкен, — подумал он, — который был когда-то человеком и которого по телефону или по радио по-прежнему можно принять за человека, спокойно пожиная плоды своей победы. И вот впервые за много лет я обрел что-то вроде душевного равновесия. После возвращения с Юпитера кошмары прекратились, моя роль окончательно определена. Теперь я знаю, почему во сне мне являлся супершимпанзе с погибающей «Куин Элизабет». Не человек, не зверь, существо на грани двух миров... Теперь и обо мне можно сказать то же самое».

Только он мог без скафандра передвигаться по поверхности Луны. Система жизнеобеспечения в металлическом цилиндре, заменившем ему брентное тело, одинаково надежно действовала в космосе и под водой. В поле тяготения, в десять раз превосходящем силой земное, ему не совсем уютно, но и только. А лучше всего невесомость...

Он все больше отдалялся от человечества, все слабее ощущал узы родства. Эти комья непрочных углеводородных соединений, которые дышат воздухом, плохо переносят радиацию, — да им вообще нечего делать за пределами атмосферы, пусть уж сидят в свойственной им среде на Земле. Может быть, еще на Луне и на Марсе.

Настанет день, когда подлинными владыками космоса будут не люди, а машины.

А он, Говард Фолкен, ни то, ни другое...

Он вполне осознавал свое предназначение. И устало ощущал угрюмую гордость от сознания своей уникальности — первый бессмертный мостик между органическим и неорганическим мирами.

Да, он будет полномочным представителем, будет посредником между старым и новым, между углеродными организмами и металлическими существами, которые придут им на смену.

И те и другие будут нуждаться в нем в предстоящие беспокойные столетия.

Перевел с английского Л. ЖДАНОВ
